

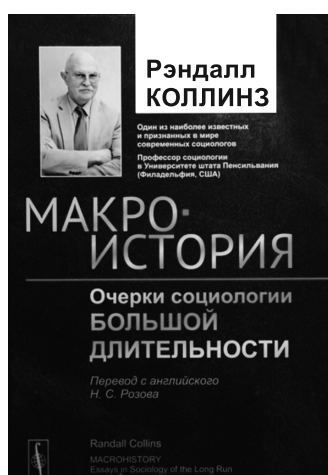
ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. ФРАГМЕНТЫ

В.И. РАЗУМОВ,

д. философ. н., проф., заведующий кафедрой философии
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

E-mail: rvi57@mail.ru, razumovvi@omsu.ru

ЦЕННОЕ ПОСОБИЕ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, ВОЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Коллинз Рэндалл. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. и послесл. Н.С. Розова. — М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. — 504 с.
ISBN 978-5-9710-1708-0

Представлен аналитический обзор монографии «Макроистория: Очерки социологии большой длительности» Р. Коллинза — одного из выдающихся современных социальных исследователей. Книга является блестящим образцом динамико-теоретического подхода в исторической макросоциологии. Отмечено, что Р. Коллинз отчасти собирает «сливки» этого бурно развивающегося научного направления, представляя и умело соединяя концепции наиболее глубоких и основательных представителей макросоциологии. Основное место в монографии Р. Коллинза, отмечает автор статьи, занимает анализ центральных тем исторической макросоциологии. Сделан вывод о том, что книга «Макроистория: Очерки социологии большой длительности» предназначена для социологов, политологов, социальных философов, специалистов по военной, экономической и культурной истории.

Ключевые слова: историческая макросоциология, научное направление, специалисты по военной, экономической и культурной истории.

VALUABLE TEXT-BOOK IN POLITICAL, ECONOMIC, MILITARY AND CULTURAL HISTORY

V.I. Razumov is doct. in Philosophy, prof., head of philosophical sub-faculty at Omsk F.M. Dostoevsky State University

Presented is analytical survey of monograph "Macro-history: Essays in sociology of length continuation" by R. Collins, one of famous modern researcher in social reality. The book represents itself as brilliant example of dynamic theoretical approach in historical macro-sociology. Emphasized is that R. Collins partially skims "the cream" of that rapidly developing scientific direction, presenting and skillfully unifying various conceptions of most prominent representatives of macro-sociology. Principal

place in R. Collins' monograph, pointed the author of the article, is being taken by analysis of central themes of historical macro-sociology. Conclusion is made, that "Macro-history: Essays in sociology of length continuation" is being intended for study of sociologists, politologists and social philosophers, as well as specialists in military, economic and cultural history.

Key words: historical macro-sociology, scientific direction, specialists in military, economic and cultural history.

Выход на русском языке книги известного социолога Р. Коллинза чрезвычайно актуален по ряду причин¹.

В истории развития социальных наук действует серьезное противоречие, где, с одной стороны, есть теоретические разработки, недостаточно обоснованные эмпирическими материалами, а с другой стороны, налицо исследования, базирующиеся на богатых фактических материалах, но избегающие объяснений и прогнозов и, как правило, касающиеся локальных событий. Еще одной проблемой в изучении общества выступает дисциплинарная фрагментация работ, среди которых мало исследований междисциплинарного характера. Естественно, перечисленные затруднения переносятся на учебный процесс.

Книга Коллинза посвящена макроистории или «социологии большой длительности». От начал социальных наук² стоит вопрос о правомочности выделения социальных законов. Однако известные ответы трудно считать удовлетворительными, поскольку:

- ♦ в обществе законы невозможны вследствие наличия у людей свободной воли;
- ♦ социальные законы существуют, но они еще не открыты;
- ♦ социальные законы образуют особый класс закономерностей, отличающихся от естественно-научных.

Позиция Коллинза более всего ассоциируется с последним ответом.

Мнение автора рецензии таково, что целесообразно рассматривать тему законов в динамике, представляя номогенез³ как эволюцию законов Вселенной.

Для того чтобы проявили себя закон Кулона и гравитации, необходимо формирование соответственно зарядов и массы. Гипотеза Большого взрыва предусматривает период эволюции метagalaktiki, где заряды и массы еще отсутствовали. Из сказанного сделаем вывод о том, что, возможно, общество, возникнув около 8–10 тыс. лет назад (от неолитической революции), пока проходит дономологическую стадию развития [3].

Автор книги, способный разворачивать эмпирически-аргументированную теорию, давать объяснения событиям и фактам, развивать новый методологический инструментарий с выходом на уровень номологии, на базе вышеперечисленного делать обоснованные прогнозы, естественно, заслуживает серьезного внимания и критического обсуждения своего труда.

Чрезвычайно актуальное исследование

Обсуждение книги Коллинза начнем с выделения ключевых тем. Концепция монографии выстраивается во введении, отталкиваясь от теоретической базы макросоциологии. Автор утверждает: «Сейчас почти все ученые признают, что три измерения — политика, экономика и культура — должны учитываться в каждом анализе» [1. С. 25]. Тематика книги организуется относительно геополитики, где автор ищет исследовательские инструменты, позволяющие адекватно анализировать и делать прогнозы процессов изменений в обществе. Ведущим субъектом таких изменений выступает государство, поэтому актуализируются темы модернизации, а также государственных распадов, революций. Отмеченные процессы увязываются с этническими проблемами.

Первая глава — «Центрированная на государстве теория революции и идеологии: достижение зрелости». В большой степени Коллинз развивает концепцию Т. Скочпол и Д. Голдстоуна о государственном распаде и социальной революции. При соотношении утверждений теории с широким спектром примеров революций и государственных распадов автор делает важный вывод — государство сохраняется при условии консенсуса элит, а его нарушение ведет к неуправляемой дестабилизации, революции, распаду.

Вторая глава — «Геополитическая основа революции: предсказание советского коллапса» — посвящена истории того, как на основе опубликованной в 1978 г. «теории, объясняющей изменения в территориальном могуществе государств», автор, используя «пять принципов причинных процессов, связанных динамикой накопления», предсказывает распад СССР в 1980 г. [1. С. 78–79]. Коллинз заявляет: «Могут ли быть сделаны успешные исторические предсказания? Безусловно, могут». Но как отличать социологическое предсказание от догадки? [1. С. 108]. В ответе на вопрос ученый привлекает старый рецепт — необходима теория, подтверждаемая фактами. Следует заметить, что Коллинз не проводит различия между проигрышем в противостоянии конца XX в. СССР с США и собственно распадом СССР, начавшимся после провала путча 1991 г. А каждый из названных процессов породил особые причинно-следственные цепочки событий, важные для понимания современности.

Третья глава — ««Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений». Вопросы этногенеза и этнической динамики ставятся в тесную связь с развитием государств, особенно с их престижем и легитимностью власти. Важное место занимает и субъективный выбор личности или социальной группы, влияющий расовые особенности, язык. Этнические процессы оказываются более динамичными в сравнении с изменениями в государствах, они оказывают большое влияние на геополитику XXI в.

¹ В 1980 г., основываясь на положениях теории «изменений территориального могущества» (1978), Коллинз прогнозировал распад СССР [1. С. 78–130]. Спустя двадцать лет, в 1998 г., вышел в свет на английском языке фундаментальный труд, посвященный интеллектуальной истории [2].

² О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм и др.

³ От греч. Nomos — закон.

В частности, многообразием языков в Дагестане объясняется стремление даже небольших социальных групп к закреплению таким способом территориальной автономии. На наших глазах быстрые и болезненные процессы этнической, а вместе с этим и государственной идентификации наблюдаются, например, в Украине, исламском экстремистском движении ИГИЛ.

Четвертая глава — «Демократизация извне внутрь: геополитическая теория коллегиальной власти». Коллинз предлагает «рассматривать два ключевых и одно дополнительное измерение демократизации. Два главных измерения — уровень коллегиально разделенной власти и уровень участия в выборах — широта избирательного права. Дополнительное измерение составляют политические права. Перечисленные измерения связаны: «Избирательное право имеет смысл только в контексте коллегиальных институтов, определяющих структуры власти, в которых осуществляется это участие» [1. С. 202–203].

Тема демократии стала одной из важнейших в гуманитарно-социальных дискурсах с конца XX в. и по настоящее время. Достаточны ли предложенные Коллинзом определения демократии? Почему современная Россия противопоставляется «демократическому» Западу, активно поддержавшему не только вооруженный госпереворот, но и игнорирующий факты геноцида мирного населения в Украине?

В обсуждении демократии имеет смысл обратить внимание на следующие обстоятельства. Демократии возникали там, где государства эффективно проводили концентрацию ресурсов за счет колонизации остальных территорий. Примеры: Афинский союз, Римская империя, итальянские города-государства, Великобритания, США.

Распространяются ли принципы демократической организации в масштабах мирового сообщества? Если обратиться к миросистемному подходу, явно нет, страна-гегемон организует мировую систему под свои интересы, что последовательно предпринимали Испания, Великобритания, США. Коллинз продолжает исследовать причины и механизмы распада СССР, но за этим событием произошел значительный переток ресурсов от бывшей советской империи к демократическим западным странам, что сказалось существенным фактором мировой динамики с 1990-х гг. Есть основания предполагать, что за демократической риторикой скрываются совершенно прагматичные экономические интересы.

Стоит учесть и еще одно обстоятельство. От Французской революции 1789 г. к Октябрьской революции 1917 г. и по мере развертывания социалистического проекта идет процесс либерализации отношений элит с обществами. С распада СССР в 1991 г. и нарушения биполярного мира (СССР / США) быстро разворачивается обратный процесс усиления противостояния элит другим социальным группам. В постсоветской России это проявилось в феномене олигархов.

А как быть с внешними долгами ведущих стран Запада? В США такой долг уже превышает 110% от ВВП. За этим следуют уровни потребления, социальные

программы. Как будет складываться демократия в условиях весьма вероятного снижения привычного уже уровня жизни, как, к примеру, в Греции?! К сожалению, Р. Коллинз совершенно не затрагивает проблему не только снижения темпов НТП, но и исчерпания его потенциала, переходу цивилизации к длительной стагнации или даже к рецессии в развитии. Перечисленные обстоятельства способны изменить прогнозы, выполняемые на основе экстраполяции параметров от текущего состояния системы. Наконец, каким образом в однополюсном мире может быть обеспечена демократия за пределами золотого миллиарда? Увы, ответов на перечисленные вопросы в книге нет.

Пятая глава — «Идеологическая порка Германии и теория демократической модернизации». Коллинз демифологизирует представление об авторитарной Германии. После Второй мировой войны Германия оказалась страной, над которой было осуществлено глубокое переформатирование национального менталитета, причем существенно большее, чем с Россией в 1990-е гг. Жаль, реабилитируя образ Германии, осмысление причин и хода Второй мировой войны проходит в русле установки: историю пишут победители.

Центральным в главе 5 становится обсуждение процессов модернизации, связываемой с достижением обществами лидирующих позиций. Модернизация связывается с четырьмя институциональными изменениями: бюрократизацией, секуляризацией, капиталистической индустриализацией, демократизацией [1. С. 265–266]. При соотнесении данного перечня с проблематикой перехода обществ в постиндустриальный формат развития возникает серьезный вопрос о первичности технолого-экономических инноваций или демократических преобразований. Вопрос остается открытым, поскольку существенное замедление НТП коснулось всех, что подтверждает продолжающийся с 2008 г. экономический кризис. Какие типы общественного устройства окажутся более жизнеспособными в краткосрочной и среднесрочной перспективе? Обсуждение указанных вопросов оказалось бы конструктивнее при включении в материал инновационной тематики.

В любом случае выделенные ученым четыре институциональных изменения продуктивны для формирования моделей, позволяющих изучать перспективы инновационной деятельности. В частности, при обсуждении хода модернизации в России с 2000-х гг. проблемы РФ не в слабости демократии, а в чрезмерном усилении бюрократии, происходящем на фоне снижения у общества, в особенности в подсистеме науки и образования, креативного потенциала.

Глава шестая — «Рыночная динамика как движущая сила исторических изменений». Ценным результатом является не только выделение исторических типов рынков родства, невольничьих, аграрно-принудительных, капиталистических, но и анализ их представленности в современных обществах, в частности в России XX в., на основе чего Коллинз предпринимает оценки демократичности тех или иных государств.

Итак, демократия оказывается следствием развития капитализма. Социализм рассматривается как последняя форма автаркических порядков, поглощённой капиталистическими рынками. Однако в 1992 г. мировое сообщество в Рио-де-Жанейро принимает установку на устойчивое развитие. Это происходит именно тогда, когда на рыночное развитие переходит практически вся мировая экономика. После этого уместно констатировать ускоряющийся процесс нарушения устойчивости как в мире в целом, так и в отдельных государствах, этносах. «Если история является неким прецедентом, то капитализм, господствующий сегодня, переживет множество потрясений в своем будущем», — пишет Коллинз [1. С. 354]. Трудно с этим не согласиться, но капитализм для автора — это будущее навсегда?

Глава седьмая — «Азиатский путь к капитализму». Автор приводит интересный материал о многообразии культурно-исторических факторов, обуславливающих многообразие путей к капитализму. Особое место занимает анализ «религиозного капитализма» на примерах влияния буддизма на развитие экономики Японии от Средних веков. При этом Коллинз демонстрирует аналитические достоинства модели Вебера-Шумпетера, «не являющейся европоцентрической, несмотря даже на ее применение Вебером к европейской истории» [1. С. 397].

Материалы книги получают дополнительное развитие и отчасти подтверждение в приложениях.

Приложение А «Как моделирование компактной теории может воспроизвести запутанные пути истории (Р. Ханнеман, Р. Коллинз, Г. Мордт)». Научный статус любого гуманитарно-социального исследования повышает использование в нем моделей, особенно если это модели математические, развитые до уровня численных имитационных экспериментов на компьютере. Авторы работы строят качественные модели тренд-графов, на их основе формируют математические модели для установления корреляций параметров: конфликт, легитимность, величина империи, вооруже-

ния, империалистический капитализм. Представленные результаты заслуживают специального анализа, желательно основываясь на иных моделях, но со сходным уровнем научной проработки.

Приложение Б «Боркенау о геополитике языка и культурного изменения». Компактный материал, где культурологический и лингвистический анализы истории позволяют делать интересные выводы об этногенезе, политогенезе, а также будущем разных обществ.

Книгу завершает послесловие переводчика Н. Розова «Теория исторической динамики Рэндалла Коллинза и российский контекст». Текст обладает ценностью, компактно передавая основные мысли автора, сопровождаемые нетривиальными комментариями ученого-переводчика. В отношении российской специфики Н. Розов в большой степени продолжает идеи, изложенные в монографии 2011 г. Делается вывод: «Если доминирование Китая стало уже привычным, то отчасти начавшееся, отчасти вероятное в будущем отставание России от Турции, Бразилии, Мексики, Индии, Таиланда, Индонезии станет всё более скандальным, приведет к внешнему упадку престижа, соответственно к внутренней делегитимации» [4. С. 470].

Заключение

По завершении рецензии хочется рекомендовать книгу Р. Коллинза широкому кругу специалистов по гуманитарно-социальным исследованиям, не ограничиваясь политологами, социологами, историками. Исследователь проделал огромную работу, полученные результаты заслуживают серьезного теоретического обсуждения, эмпирической проверки. В условиях противостояния России и Запада для любого серьезного ученого окажется полезным познакомиться с соображениями яркого представителя интеллектуального истеблишмента США. Искренне хочется, чтобы обсуждение хотя бы некоторых разделов книги Р. Коллинза состоялось в студенческих аудиториях, на занятиях с аспирантами.

Литература

1. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. — М., 2015.
2. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. — Новосибирск, 2002.
3. Разумов В.И., Рыженко Л.Н., Сизиков В.П. Аксиоматико-дедуктивный подход в ретроспективе и в перспективе // Философия науки. — 2011. — № 1. — С. 3–16.
4. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. — М., 2011.

References

1. Collins, R. Macro-history: Essays in sociology of length continuation. — M., 2015.
2. Collins, R. Sociology of philosophies. Global theory of intellectual dimation. — Novosibirsk, 2002.
3. Razumov, V.I., Ryzhenko, L.N., Sizikov, V.P. Axiomatic deductive approach in retrospective and in perspective // Philosophy of science. — 2011. — No. 1. — P. 3–6.
4. Rozov, N.S. Track and crossing: macro-sociological bases of strategies of Russia for 21st century. — M., 2011.